ЕЛЕНА ПОДДУБСКАЯ

БЕСКОНЕЧНЫЙ МИР

РОМАН

КНИГА 1

Елена Поддубская

Бесконечный мир. Роман. Книга 1

«Издательские решения»

Поддубская Е.

Бесконечный мир. Роман. Книга 1 / Е. Поддубская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740888-6

Страшный вирус поражает человечество. Его занесли пришельцы с планеты-двойника Земли. Они живут по 500 лет, им передают память предков через кодирование мозга, и у них отменный иммунитет. Поняв, что единственная слабость неуязвимых саифнов — их эмоциональная «стерилизация», землянка Жаклин пробует научить любви одного из инопланетян. Вновь приобретённая сентиментальность должна спасти людей. Что из этого получится, не знает никто.

ISBN 978-5-44-740888-6

© Поддубская Е.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: СТРАННЫЙ ЗНАКОМЫЙ 6
1 6
2 12
3 14
4 21
5 24
6 28
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Бесконечный мир
Роман. Книга 1

Елена Поддубская

От автора: роман завершён в 2001 году, когда история про страшный вирус, уносящий миллионы, большинству землян наверняка показалась бы совершенной фантастикой.

Дизайнер обложки Александр Васильевич Надобных

© Елена Поддубская, 2021
© Александр Васильевич Надобных, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-4474-0888-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: СТРАННЫЙ ЗНАКОМЫЙ

1

На Земле шёл тридцатый год двадцать первого века новой эры. Багаж научных открытий и достижений, полученных предками на протяжении трёх предыдущих столетий, позволил людям за четверть века добиться поразительных результатов в изучении микросистем. Углубляясь в основы строения неделимых величин, составляющих всякое тело, каждая из естественных и точных наук всё больше делилась на узкие области. Общая физика дала рождение физике материалов, затем элементарных частиц, позже атомов. Идея квантования развила новую концепцию – квантовую физику. Стремясь управлять энергией, моментом количества движения и его проекциями, люди пришли к выводу, что познания микромиров позволяют им приблизиться к разгадке организации макрообразований, таких, как Солнечная система. Перспективы завоевания новых миров прогнозировали держателям капиталов не только процветание. Любому из богачей снились неведомые планеты и незанятые территории, куда можно было бы переселиться. Нанотехнологии помогали человеку в поисках решений по покорению Вселенной. Огромные капиталы способствовали продвижению научных проектов, созданных в этом направлении. Мир грезил космосом. Генная инженерия, космическая биология, космоэмбриология, геодезическая астрономия, астрофизика и огромный ряд профессий, связанных с новейшими компьютерными технологиями, позволили сделать ряд столь интересных открытий, что постепенно учёные «прикладных специализаций» стали считать их едва ли не основополагающими.

Именно об этом вели спор несколько специалистов Калифорнийской научной Лаборатории при всемирной организации Гринпис. Звучным голосом, способным вытягивать не одну из джазовых затяжек, физиолог Фил Шер пыхтел по поводу успехов коллеги Дэвида, о которых шла речь на утренней планёрке.

– Да если бы Джек был обычным физиологом, как я, он бы в жизни не попал к нам. А тут – и гранд, и персональный кабинет. А надпись на его двери вы видели? «Лаборатория экспериментальной *космо*физиологии». П-ф! Я вообще не понимаю, почему для руководства так важна эта приставка из пяти букв? – Бас чернокожего великана с отчётливым африканским акцентом, гремел на весь внутренний дворик. Его ярко жёлтая рубашка с зелёными и розовыми пальмами на июньской жаре прилипла к спине. Отказавшись от протянутой сигареты, Фил объяснил, что вышел на перерыв не покурить, так как он вообще не курил, а пообщаться: – Да я в Конкордии Ирвин тоже мог бы избрать космофизиологию. Университетская программа позволяла это. И туда брали не по способностям, а по желанию.

– Так чего же ты не пошёл? – поинтересовался один из присутствующих, строя выдыхаемый дым в колечки: – Тем более, что ты из Сан-Франциско, тебе не нужно было место в кампусе.

– Потому, что я считаю, что биотехнологии – это промышленность, а не наука. И прежде, чем соваться в просторы Вселенной, нам стоит навести порядок на Земле.

– Кто тебе не даёт? Наводи, – пожала плечами молодая блондинка.

Фил посмотрел на женщину, как в первый раз:

– Известно ли тебе, Жаки, что в этом триместре наш выскочка Джек забрал под себя все плановые деньги? А знаешь, на что они пошли? На финансирование грандиозных проектов по «выявлению закономерности процесса замедления сокращений мышечных волокон животных в условиях отсутствия гравитации».

– Да ладно тебе, Фил, – засмеялась женщина, узнав голос того, кого копировал физиолог: – Думаю, нам тоже что-то останется! – Откупорив бутылку с минералкой, она стала пить из неё. В её кармане запищал телефон. – Договорим потом, – махнула она коллегам, уходя. Учёного срочно вызвали в основной компьютерный зал.

Тридцатилетняя Жаклин Брайд являлась главным специалистом Гринписа по вирусным инфекциям отряда пресмыкающихся и земноводных. Несмотря на свой молодой, для учёного, возраст она была автором нескольких открытий по биохимии вирусных заболеваний, что давало женщине признание в научном мире.

– Ты звал меня, Ричи? – обратилась Жаклин к дежурному в компьютерном зале. Согласно внутреннему Уставу именно он был здесь главным, а не директор Лаборатории Стив Роджерс. Взлохмаченный малый кивнул из-за монитора:

– Привет, Жаки! Посмотри. Кажется, это по твоей части.

Ричард указал на большой экран. Многочисленные веснушки на его лице прыгали, как бегущая строка, пульсирующая восклицательными знаками: «Внимание! Галапагосские острова! Массовая гибель гигантских черепах!».

– Нам только этого не хватало! – не сдержалась Жаклин. За последние два дня это было четвёртое сообщение подобного рода. Вчера Гринпис уведомили о смерти нильских крокодилов. Сразу вдогонку пришла новость об эпидемии канадской саламандры в окрестностях Торонто. Сегодня утром у всех не сходила с языков информация о падении альбатросов вблизи Курил. И вот теперь – гигантские черепахи! Самые крупные панцирные планеты! Жаклин сжала кулаки и посмотрела на Роджерса. Несмотря на охлаждение воздуха кондиционерами, пот тёк с него градом. Шеф Калифорнийской Лаборатории считался одним из главных мировых экспертов по чистоте океанской воды.

– Как вы сказали, мисс Брайд, не хватало нам только этого! – ответил Стив, вытащив большой клетчатый носовой платок. Возникшие проблемы фауны ставили под вопрос приближающийся отпуск шефа. Согласно кивнув, Жаклин вернулась к дежурному:

– Что там среди первых симптомов?

Ричард сглотнул слюну и доложил, глядя на директора:

– Анализы подтверждают, что все животные заражены вирусом, напоминающим ВИЧ. Повсюду протекание инфекции похоже на СПИД, с той лишь разницей, что судороги, наступающие на ранней стадии заболевания, переходят в экстремальную фазу на вторые-третьи сутки. Далее заражённый организм нагревается до температуры, при которой происходит свёртывание кровяного белка.

– То же самое, что везде, – произнесла Жаклин, беспощадно кусая карандаш: – Что же это может быть?

Роджерс, словно очнулся, забегал по залу, взмахивая расправленным платком:

– Вот именно, Жаклин! Что же это, позвольте узнать? Ведь панцирные и членистоногие – ваша специфика.

– Земноводные и пресмыкающиеся, сэр Роджерс, если не возражаете, – рассердилась женщина. Стив не мог не понимать, что ответить она не может. Для начала ей необходимо как следует разобраться в полученных результатах или хотя бы дождаться биопроб с мест поражений.

Роджерс возмущённо вытаращил глаза:

– Ах! Вы ещё язвите. Вам мало того, что телетайп надрывается в крике о начале неизвестной эпидемии?

Жаклин благоразумно промолчала. Если кто и надрывался, так это её начальник. «Паникёр», – посмотрела она с сарказмом и развела руками, не в состоянии пока помочь ни Роджерсу, ни бедным животным.

– А-а-а, вы, наверное, хотите действовать только тогда, когда инфекция коснётся США? – продолжил начальник нападки, зачем-то ткнув указательным пальцем вверх, словно его страна была над его головой. В зале стояла звенящая тишина. Оглянувшись на инженеров, опустивших взгляды в компьютеры, Роджерс добавил уже тише, но всё ещё властным голосом: – Нет уж! Я считаю должным предупредить о происшествии сначала штаб-квартиру Гринписа, а затем, заручившись поддержкой Вашингтона, и ООН.

Жаклин спокойно пожала плечами:

– Вам виднее, сэр. Если понадобится помощь, вы знаете где меня найти.

Женщина вышла из компьютерного зала. Она недолюбливала Роджерса и за патологическую потливость, и за ту кичливость, с какой он носил звание директора Лаборатории. Внешне мужчина был тоже не красавец. Его тощее лицо с надвинутыми друг на друга скулами, казалось листом, согнутым пополам. Это впечатление подчёркивалось куцей полоской волос в ложбинке подбородка и такими же обвислыми усами. Совсем не мушкетёрскими, а как у Дон-Кихота, оставшегося после борьбы с ветряными мельницами без остроконечной бородки. При этом торчащие в стороны мясистые уши Стива не вписывались в описание ни одного из известных литературных персонажей. Казалось, что они существуют отдельно от узкого черепа и надеты на время маскарада. Причём, надеты небрежно, немного наискосок. Лысину впереди сэр Роджерс прикрывал длинными тёмными прядями с затылка, регулярно подкрашенными в тон к усам и бережно заведёнными вперёд. Так некоторые женщины носят косичку, тщательно фиксируя её по всей голове лаком для волос. Прилепив волосы таким же образом, весь день начальник то и дело поправлял неумолимо съезжающие пряди. Добавить к этому портрету стоило блекло-синие выпученные глаза, вооружённые толстенными стёклами очков, и аскетичный склад мужчины. Однако вовсе не физические качества отталкивали от него людей: несмотря на бесспорную компетентность учёного, многие подчинённые избегали компании Стива.

Удаляясь, Жаклин подумала, что даже такое несчастье как массовая гибель редчайших видов животных Роджерс наверняка использует, чтобы встретиться с высокопоставленными чиновниками государственного, и не только, аппарата. В том что эпидемия примет масштабы мирового характера Брайд не сомневалась. Достаточно было посмотреть на географию эпицентров. Если речь шла об одном и том же вирусе, то он имел поразительный термодиапазон, а развитие инфекции шло по типу цепной атомной реакции. Поэтому не исключено, что за помощью им придётся обращаться к физикам.

Войдя во вверенное ей отделение Лаборатории, учёный поспешила позвонить в библиотеку и заказать на персональный компьютер нужный материал по разложению атома. Пока готовилась подборка, Жаклин достала из шкафа энциклопедический словарь и стала нетерпеливо читать общие объяснения о протекании химических реакций в ядерном заряде. Не прошло и десяти минут, как ей позвонила секретарь начальника. Шеф просил Жаклин немедленно пройти к нему в кабинет.

– Жди теперь, Жаклин, высокопарных идей! – подумала женщина, но на вызов поспешила.

В приёмной Роджерса царила суматоха. Дверь в его кабинет была открыта. Коротышка секретарь рваными движениями набирала через компьютер то один консультативный лист, то другой. Завидев Жаклин в дверях, секретарь кивнула в сторону шефа и шёпотом предупредила:

– На связи со штаб-квартирой! – Похоже, служащую распирало не меньше, чем её начальника. На слабый кивок Жаклин пожилая женщина обиделась. – Он просил вас зайти! – прошипела она и судорожно мотнула всклокоченной причёской.

Стив отвечал высокому начальнику стоя.

– Да, господин президент, я отдаю себе отчёт о том, какие у меня могут быть неприятности в случае ложной тревоги. – Судорожно вцепившись в трубку телефона, Роджерс обливался

потом сверх обычного. Горячие струйки, не успевая быть пойманными платком, стекали по той самой узкой полоске подбородка, что так раздражала Жаклин. Нервничая, Стив то и дело отрывал кусок тонкой ткани от лица и тогда пот дождём капал на его рубашку и даже на пол. Голос Роджерса трясся. Как многие люди подобного типа, он ужасно боялся ответственности и, скорее всего, сейчас проклинал себя за тщеславие и чрезвычайную кичливость. В этот час ему гораздо проще было бы сидеть здесь, как когда-то, простым начальником отдела биогеохимии, а не тащить на себе груз директора одной из крупнейших мировых научных лаборатория. Ведь в случае, если ситуация, вызванная вирусом, действительно не окажется серьёзной, первым, с кого спросят за панику, будет именно он. Мужчина прекрасно понимал это, но теперь ему не оставалось ничего другого, как держать марку до конца.

Натянуто улыбнувшись Жаклин, Роджерс подтянулся и машинально прилепил ко лбу невовремя сползающую прядь.

– Тем не менее, господин президент, я хочу, чтобы вы поставили в известность и Белый дом, и ООН. А кроме того, я настаиваю на организации сверхсрочной экспертной комиссии для отправки в один из очагов поражения… Для выяснения на месте истинных причин эпидемии… Осознавая всю серьёзность создавшегося положения, я согласен отсрочить мой отпуск и лично возглавить эту комиссию… Да потому, что я имею полное право предполагать, что причиной является качество воды в поражённых районах! – Местоимением «я» Роджерс злоупотреблял как любой карьерист. Жаклин сморщилась, но молчала. По сути, Стив был прав, хотя и про неё он вспомнил, не забывая о себе: – Кроме того, именно под моим руководством работает самый компетентный специалист нашей организации по инфекционным заболеваниям именно тех отрядов животных, которые пострадали… Мисс Жаклин Брайд. Она сейчас у меня в кабинете. Если вы хотите, она также может поделиться своим мнением.

Стив кивнул почти дружески. Жаклин поняла, что не ошиблась относительно намерений начальника попасть в число незаменимых работников, но по телефону подтвердила, что полученная информация действительно настораживает. Выслушав доводы учёной Брайд, президент Гринписа попросил её никуда не отлучаться из кабинета Роджерса.

Не прошло и пяти минут, как их связали с приёмной штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке. Трубку снял Главный заместитель Секретаря Организации объединённых наций. Представив Жаклин по всем рангам и снова не упуская случая отметить про «принадлежность» учёной к «его» Лаборатории, Роджерс поспешно передал трубку. Брайд повторила о возможной экологической катастрофе невиданного характера. По непонятной закономерности вирус поражал пока только хладнокровных и протекал странно: с активным выделением в конечной стадии тепловой энергии. Это способствовало перегреванию организмов животных и не поддавалось никакому научному объяснению, ведь обычно хладнокровные приспосабливали температуру тела к температуре окружающей среды. Нарушение теплового баланса провоцировало свёртывание плазмы их крови и мгновенную смерть.

Закончив исчерпывающе-доступное для административного работника объяснение, учёный замолчала.

– Мисс Брайд, вы уверены, что характер заболеваний вирусный? – спросил главный заместитель Секретаря ООН.

Услышав положительный ответ, он приказал учёной обеспечить изоляцию фауны и флоры с заражёнными элементами. Приказ был несуразным.

– Боюсь, это невозможно, сэр! – твёрдо ответила Жаклин. Ей было всё равно, что подумает на её возражение чиновник, который не желает тратить своё время на пока неподтверждённую проблему. Но на деле вирус уже сегодня охватил невероятные масштабы. Поэтому женщине стоило быть убедительной: – Я могу предположить, что скорость распространения этого вируса равна скорости распространения любого другого, но контактной средой являются

не только воздух, но и вода. К тому же этот вирус чрезвычайно устойчив к температурным диапазонам: он одинаково губителен как в африканской жаре, так и в Арктическом холоде.

– Чем это грозит? – чиновник, никак не ожидавший столь откровенного сопротивления, осадил голос. Жаклин мысленно улыбнулась: мужчины думают не о сути дела, а о его значимости для них или о своей значимости для него. – Если вирус проникнет в теплокровный организм, сэр, то…

Мысль ей закончить не дали.

– Как это может случиться? – спросил чиновник, проявляя уже беспокойство. Жаклин и хотела бы не драматизировать ситуацию на данной стадии, но кому, как ни ей, было известно лучше других, что достаточно каком-то хищнику съесть погибшее животное для того, чтобы вирус мог внутри него приспособиться и видоизмениться… Именно эти опасения и были высказаны. И тут же учёный услышала почти мольбу:

– Но пока ведь этого не произошло?

Жаклин вздохнула. Любая проблема, будь то кормление ребёнка из бутылочки или же катастрофа мирового масштаба, мужчинам одинаково тягостна и неприемлема. «Как бы ему хотелось сейчас, чтобы я сказала что-то успокаивающее», – пронеслось в её голове, но вслух пришлось сказать совсем другое: – Сэр, если этот вирус похож на грипп, ему не понадобится много времени, чтобы приспособиться. И пока мы располагаем весьма скудными данными по проблеме.

Поняв, что большего от учёного ждать не стоит, чиновник из ООН заговорил всё также торопливо, но с большей долей внимания.

– В таком случае, я прошу Вас, мисс Брайд, как можно быстрее вылететь в один из поражённых районов и лично заняться изучением данных на месте. Я наделяю Вас всеми необходимыми полномочиями по определению состава вашей контрольной комиссии и её финансированию. Письменное подтверждение Вам сейчас придёт. И держите меня в курсе дел. Всего доброго!

– Куда предлагаете двинуться? – спросила Жаклин, положив трубку. Глаза Роджерса сияли блеском алчного удовлетворения. Явно предполагая вопрос, Стив ткнул в карту мира, лежащую на столе в виде коврика для компьютерной мышки.

– В Египет!

– Почему именно туда? На Аляску ближе.

Не терпя возражений, сэр Роджерс пояснил своё решения тремя позициями: во-первых, египтяне первыми прислали сигнал бедствия, во-вторых, пробы воды в Ниле уже давно считаются критическими.

– А, в-третьих, там теплее, чем на Аляске, – закончил мужчина, и его усы криво скаканули вверх. Жаклин не стала возражать. Предстояли сборы в дорогу и формирование команды. Формальности по бронированию мест в отеле и на самолёт выполнит секретарь Стива.

Выходя из кабинета, Жаклин услышала, как Роджерс прогнусавил ей:

– Закажите бронь в «Шепеарде». И, разумеется, никаких египетских авиалиний, только наши. На крайний случай – британские.

Услышав название гостиницы, Жаклин усмехнулась: шеф решил воспользоваться ситуацией, причем, недёшево для Объединённых наций. Но спорить она опять же не стала. Возможно, именно на этот раз начальник был прав, ведь он знал Египет как облупленный. Стив на внезапную остановку подчинённой отреагировал вопросом в глазах. Требовалось что-то сказать. Жаклин спохватилась:

– Две просьбы: пригласите в Египет специалистов из стран, затронутых инфекцией, и внесите в список членов комиссии Джека Уайна.

Стив, до этого согласно улыбавшийся, сморщил нос:

– Что? Этого эксперта по жабам и крокодилам? Но ведь он курирует «Красную книгу», а это наш непосредственный конкурент в прессе.

От подобного пренебрежения Жаклин почувствовала, что звереет. Гневно зыркнув на начальника, она нашла в себе силы натянуто улыбнуться и настойчиво объяснить необходимость своего выбора в пользу лучшего гепертолога планеты.

– Если вы не забыли, сэр Роджерс, именно крокодилы поражены были первыми, – едко заметила она. – А, кроме того, начальство доверило комплектование Комиссии мне, а не вам. Так что, если вы будете возражать, то, думаю, нам придётся пока обойтись без биогеохимика.

Услышав подобное предупреждение, да ещё в присутствии собственного секретаря, Роджерс побледнел и поспешно замахал, соглашаясь.

Жаклин вышла из кабинета. Пройдя к себе, она набрала швейцарский Глан, где была расположена штаб-квартира Международного союза охраны природы, и жил Уайн. Джек ответил ей приглушённым голосом. Вспомнив только сейчас, что в Европе в это время уже глубокая ночь, Жаклин извинилась.

– О чём ты говоришь, Жаки? – отмёл извинения Джек. Его характерный английский, разорванный придыханиями на немецкий лад, окатил трубку: – Я уже в курсе всего, сижу на интернете, пытаюсь запросить видеоинформацию с внешним видом животных.

Жаклин сплела пальцы и потрясла перед собой корзинками рук. Она недаром выбрала Джека в компаньоны.

– Тогда я буду лаконичной: завтра ты должен быть в Каире, – сказала женщина: – Я включила тебя в состав экспертной комиссии ООН. Поможешь нам?

– О чем речь, красотка? Спасибо, что не забываешь старого друга, – ответил Джек, улыбаясь.

– Я не забываю лучшего из лучших. Извини, Джек, надо бежать. До завтра!

– Чуус! – пыхнул швейцарец.

Они давно были коллегами, проверенными в боях за жизнь на планете.

2

Этим же вечером Жаклин и Стив вылетели в Египет. Вместе с учёными из других стран им предстояло на месте принять решение, как определить природу вируса.

Перелёт прошёл успешно. Выйдя из самолёта, Жаклин радостно улыбнулась: ранним июньским утром термометры показывали здесь только двадцать градусов. Ей не приходилось бывать в Египте ранее. Слушая в полёте про обилие пробок в Каире, ей очень хотелось, чтобы эти рассказы шефа оказались такими же преувеличенными, как его убеждения, относительно нетерпимого африканского зноя. Сидя в охлаждённом салоне «лимузина», предложенного для трансфера до отеля, женщина с интересом смотрела на дорогу.

Через сорок минут пути они въехали в город фараонов и цариц, арабских пашей и мамлюкских султанов. Никогда ещё американке не приходилось видеть такого скопления архитектурной роскоши древности, в двух шагах граничащей с обветшалой нищетой современности. На всём протяжении пути до отеля то тут, то там виднелись огромные купола дворцов. Украшенные ложами с балюстрадами из резного дерева, здания величаво белели за бронзовыми заборами и утопали в зелени восточных садов. Многочисленные сиенитовые арки внутренних двориков и грандиозные фонтаны из цветного гранита казались всего лишь дешёвыми дополнениями к обилию мраморных ступеней и колонн. Обвитые кружевом лепки из глины, гипса и полихрома, украшенные резными рисунками, расписным фаянсом, природными кристаллами, типа сталактитов, дворцы красовались один перед другим, свидетельствуя о былой роскоши владельцев. Стоимость архитектуры Каира оценке не поддавалась.

Тут же, рядом с дворцами, повсюду возвышались башни мечетей и пики минаретов. Их огромные окна были составлены из разноцветных витражей, а стены выложены объёмными мозаиками. Большая часть исламских мечетей начиналась единственным монументальным порталом и имела внутренние дворы с айванами по осям. Прямоугольные высокие стены террас заканчивались резными треугольными зубцами, причудливыми скобами куполов и несколькими башнями. Форма минаретов была различной: от низких и широких до тончайше- возвышенных в виде пиковых стрел и наделённых несколькими смотровыми площадками по всему радиусу. Жаклин они напомнили огромные телевышки с радиолокаторами и верховыми антеннами. Она поделилась мнением со Стивом. Он насмешливо хмыкнул.

– А вы зря смеётесь, уважаемый сэр Роджерс, – пресёк эмоции американца их компаньон, господин Шедид, растягиваясь в благодушной улыбке. Представитель ООН в Каире встретил их в аэропорту. – Ваша коллега правильно подметила сходство. Современные люди почерпнули в Египте немало мудростей для общего прогресса.

Продолжая улыбаться и глядя на женщину с нескрываемым восхищением, он стал рассказывать о городе. Повторить названия зданий, улиц, кварталов Жаклин даже не пыталась. Её неплохой французский не шёл ни в какое сравнение с тем совершенным чистейшим английским, на каком говорил господин Шедид. Брайд отметила это, и смуглый собеседник почтительно наклонил голову, объяснив, что его семья принадлежит к древнему сословию арабских интеллигентов. Все ближайшие родственники Шедида по мужской линии с давних веков были врачами, учителями, писателями, поэтами. Многие из них учились в европейских и американских Университетах. Дед в годы протектората служил хранителем Зала европейской литературы при Национальной библиотеке Каира. Отец занимал значительный пост в Народном собрании Египта. Наконец, сам он долгие годы являлся одним из секретарей-референтов генерального секретаря ООН, господина Гали.

Слушая объяснения и продолжая рассматривать произведения древних арабских зодчих, Жаклин ещё не раз удивилась своим недостаточным представлениям о размерах египетской культуры.

Изумилась женщина и тогда, когда они подъехали к отелю: все её прежние догадки о достоинствах их места проживания оказались лишь слабыми попытками предвидеть реальность. «SHEPHEARD» встретил их непомерной роскошью и величием. Уже снаружи он являл собой символ колониальной эры, той самой эпохи, когда в Египте властвовали англичане, и которая запечатлелась в каждом уголке строения.

Выйдя из машины, скромная церемония из трёх человек вошла в отель. Переступив порог, Жаклин охнула и застыла. Холл ослепил её. Идеальная глазурь блестящих поверхностей, отражавших попадающие снаружи лучи, сочеталась с томными бликами стен, таинством углублений и абсолютным матом вертикалей. Мягкие ковры топили любые звуки и щекотали ступни даже сквозь подошвы босоножек. Ковры, да ещё пальмы, расставленные в холле и на этажах, похоже, были единственными атрибутами Востока. Весь остальной интерьер отеля выдерживался в неизменных классических английских тонах, какие неумолимо вторгались в историю Египта. Роскошь, а при этом мощь и власть британского самодержавия были одновременно величественными и угнетающими. И американцам было непросто выносить эту помпезность.

Прибытие других участников экспедиции ожидалось позже.

– В любом случае, сегодняшний день вы можете вычеркнуть из списка рабочих, – предупредил господин Шедид. – Русские прилетают поздно вечером, поэтому самолёт на Асуан заказан только на завтра.

Решив использовать свободное время на пешеходную прогулку по городу, Жаклин и Стив, разместившись, покинули отель.

Каир вновь предстал пред ними. Пройдя по набережной той стороны Нила, на которой находился отель, путники полюбовались водами тёмной реки, неспокойно несущейся в русле города. Потом они отдохнули на подвесных скамьях в прохладе парка Эзбекия, построенного единственным французским садовником полвека назад на бывших заболоченных прудах. Они фотографировались на месте сгоревшего театра Каирской Оперы, открытие которой было ознаменовано когда-то шумной премьерой «Аиды». Они вдыхали в себя запахи огромного зелёного базара, самого крупного во всей Африке. Неподалёку, на площади Атаба, Роджерс, прекрасно выполнявший роль гида, предложил Жаклин наскоро перекусить и далее поехать на такси. Так они и сделали и, передвигаясь быстрее, смогли увидеть стены старого города и Цитадель, новые постройки государственного Университета и кварталы старого Каира. Не обращая внимания на растущую жару и тонны пыли на улицах, неумолимо проникавшей даже сквозь закрытые окна машины, Жаклин завороженно вбирала в себя всю многоликость древнего города.

Вернувшись в отель под вечер, совершенно уставшие, но счастливые и наполненные впечатлениями, они нашли записки, оставленные им у администратора. Шедид предупредил Роджерса о том, что завтра в семь утра ждёт всех в нижнем холле. Брайд прочла послание Уайна. Прибывший в отель во второй половине дня, швейцарец тоже не смог усидеть на месте и поддался соблазну пешего туризма. Судя по записке, Джек знал о завтрашнем сборе, так как пожелал Жаклин доброй ночи.

3

На следующее утро Стив, Жаклин и ещё пятеро учёных встретились в назначенный час в холле гостиницы. Некоторых из приехавших Брайд знала. Она приветливо махнула рукой Никите Орловичу, русскому зоофизиологу, тоже представителю Гринписа. Вместе с ним прибыл в Каир никому неизвестный орнитолог с Курильских островов Алексей Кадышкин. Крепко пожав руки коллегам, коренастый мужчина тут же заговорил о проблеме, волнующей всех. Не стесняясь своего слабого английского, Кадышкин рассказал, что на Курилах инфекция с альбатросов перекинулась на некоторые виды ценных промысловых рыб. Вчера, накануне отлёта, Алексею привезли тушки огромных лососей.

– Я взял одного на изучение, – орнитолог указал на мини-холодильник в ногах.

– Посмотрим потом, – решил Стив, оглядываясь. В сборе были пока не все.

Кроме русских из Торонто прилетел специалист по биохомии и анализу. Он представился Алеком. В Канаде, по его уверениям, ситуация оставалась стабильной: кроме саламандр другие животные от вируса пока не пострадали.

– Зато у нас – настоящая эпидемия, – развёл руками Хабиб Мессали, один из местных микробиологов. Жаклин уже видела его на конференциях. Насколько она помнила, Хабиб входил в группу учёных мирового сообщества, работающих над проблемой адаптации отдельных мышечных волокон животных при пересадке человеку. Подобная специфика могла быть очень полезной при рассмотрении проблемы неизвестного вируса.

– С крокодилов вирус передался мягкопанцирным черепахам и, что самое печальное, грифам, – объяснил проблему второй египтянин Юсуф. Он попросил не звать его по фамилии, так как арабские традиции не позволяют этого в присутствии людей более значимых, чем он.

– Как? Белоголовый сип тоже? – не удержался Кадышкин от возгласа. Услышав подтверждение, Алексей впал в отчаяние. – Господа! Необходимо срочно что-то предпринимать, – неистово призвал он, – иначе очень скоро мы останемся на планете без представителей нескольких редчайших видов. Это же надо: белоголовый сип тоже мрёт, – повторил он фразу себе, мешая английский с русским.

– Кто же против? Только что мы можем? – Юсуф, тоже орнитолог, работал в одном из натуральных заповедников страны, но не в том, куда предстояло лететь. Он взял Кадышкина за локоть и принялся с ним что-то обсуждать. Жаклин тем временем озабоченно осматривала холл. Заметив её неспокойствие, Роджерс демонстративно поглядел на часы на руке.

– Ну и где же ваш любимчик, мисс Брайд?

Но не успела Жаклин открыть рот, как швейцарец появился в холле со стороны той части, в которой находился административный блок. Торопясь, он размахивал издалека какими-то бумагами.

Наскоро поздоровавшись и извинившись, Джек радостно развернул листы. Это были фотографии.

– Вот, получил с Галапагосс. Фото черепах с подробнейшими описаниями местных патологоанатомов. Славные ребята! Всю ночь, похоже, не спали.

Жаклин улыбнулась и проткнула шефа взглядом.

– Молодец, старик! – Алек похлопал Джека по плечу; несмотря на разницу в возрасте, мужчины были давними приятелями: – А ну-ка, дай!

Все принялись рассматривать фотографии. В тех эпицентрах, откуда учёные прибыли, тушки животных имели точно такой же сжатый в размерах вид с проймами вместо глаз и с одеревеневшей шкурой.

Швейцарец не стал мешать остальным. Поцеловав Жаклин руку, он отвлёкся на звонок по телефону.

Джек Уайн был высоким мужчиной преклонных лет с седыми волосами, роскошной, не в пример Стиву Роджерсу, холёной бородой с проседью, пышными ухоженными усами, столь длинными, что они, как у Сальвадора Дали, выходили за пределы лица и уже там заворачивались с обеих сторон колечками, и с золотыми очками на носу. Как большинство швейцарцев, он был сдержан, подтянут, импозантен. Несмотря на майскую жару Египта, одет Джек был в плотный хлопчатобумажный костюм оливкового цвета из длинных шорт и плотной безрукавки, накинутой поверх белёной холщовой рубахи. На его ногах громоздко красовались дорогие походные ботинки из толстой кожи. Из них высоко выглядывали сморщенные гетры, такого же цвета, как и рубашка. В правом нагрудном кармане куртки торчала неизменная фляжка, в которой, Жаклин это точно знала, был ром отменного качества. В левом кармане лежали трубка и табак. На кожаном ремне, поддерживающем шорты, крепились нож и золотые часы, двойная цепочка которых болталась вдоль одной из штанин. В рюкзаке за спиной, бессменном на протяжении всего того десятка лет, что Брайд была знакома с Уайном, находились спички, компас, термос с пресной водой и пачка сухарей. На дне рюкзака наверняка можно было найти также суровые нитки, иголку, йод, сердечные капли, бинт, ножички для подстрижки усов, щипчики для ногтей и зеркальце. Был там, конечно же, и портрет семьи Джека: обожаемой Эльзы и двух очаровательных дочерей, удачно выгравированный когда-то умельцами на продольном срезе красного сердолика. Все эти привязанности друга за долгие годы сотрудничества Жаклин выучила наизусть.

Закончив переговоры, Джек похвалил молодую женщину за свежий вид и тут же отругал за легкомысленность: разве пригодны кроссовки для путешествия в Асуан? Заметив едкий взгляд начальника, Жаклин поспешила увести Джека в сторонку и попросить остаться рядом на весь полёт. Заверив, что это будет одной из самых приятных частей пути, швейцарец ловко подхватил знакомую под руку.

Через пару часов срочная экспедиция, сформированная ООН, вылетела в Асуан на военном самолёте. Погода была безоблачной, самолёт достаточно низко летел вверх по течению Нила, что позволяло пассажирам рассматривать рельеф незнакомой страны. Впрочем, пейзаж в иллюминаторах казался однотипным. По обеим сторонам реки тянулась тонкая полоса растительности. Большей частью это были прерывающиеся дикие заросли финиковых пальм, низкорослой египетской акации и мангрового дерева, которые, по мере смещения к югу, всё больше сменялись прибрежными зарослями камышей и осоки.

После того, как путешественники пролетели Люксор, в ландшафте береговой полосы стали появляться белые скалы. Роджерс объявил, что это залежи сеинита. Ещё недавно богатые египтяне использовали этот камень как основной строительный материал при возведении жилищ. Здесь же, по уверениям Стива, можно было встретить и карьеры с разработкой кварцита, считавшегося более дорогим. На поверхностях скал, казавшихся свысока безмолвными, при снижении стали заметны примостившиеся друг к другу гнёзда десятков разновидностей птиц, обитавших близ реки, – уток, ворон и ласточек. Глубоко в скалах жили змеи и ящерицы. Рядом с водой в зарослях камышей бродили фламинго, цапли и пеликаны. Жаклин очень хотелось бы получше узнать этот мир, но сейчас биолога и всех остальных, прибывших сюда, ждала работа более срочная.

Через час полёта пилот объявил, что они приближаются к Асуану.

– Приготовьтесь, мисс Брайд, – проскрипел Роджерс из глубины салона: – На этом рубеже заканчивается не только растительность Египта, но и его цивилизация. Далее нам придётся до всего добираться пешком и не жаловаться более на нещадность местного климата.

Стив громко и нервно засмеялся. Его никто не поддержал. Джек, заметив, как натянуто улыбнулись шутке американца местные учёные, постарался сгладить общий фон замечаниями о наличии особенностей во всякой стране. Роджерс пробурчал себе под нос ещё что-то и затих.

Они подлетали к Асуану. Как и в Каире, здесь не было недостатка в минаретах. Издревле этот город являлся местом паломничества верующих мусульман-исмаилитов. Мягкие на вид белые скалы долины Нила сменились щебенистыми гранитными, а полосы растительности вдоль реки – пустынями: с одной стороны из песка, с другой из каменной крошки. Облетая город, самолёт сделал круг, и взору пассажиров предстала во всю длину огромная четырёхметровая дамба Асуанской плотины.

– Представить только, что её строили советские инженеры, – грустно заявил Никита Орлович соседу.

Несмотря на ответ по-русски, пессимизм Алексея Кадышкина был ещё заметнее:

– Лучше бы они этого не делали.

Всему миру были известны сегодня последствия возведения плотины. Когда в шестидесятых годах прошлого века президент Египта Гамаль Абдель Насер получил от американского правительства отказ в деньгах на строительство новой Асуанской плотины, советские власти приняли поспешное решение помочь братскому Египту. Строительство плотины и ГЭС на ней велось в самый разгар «холодной войны», и русским никак нельзя было оплошать. Результатом очередной неразумной политики государств стало нарушение всей экосистемы долины Нила. Да, плотина приносила пользу: население страны, проживавшее ниже по течению, было избавлено от мощных зимних паводков. Но вред от неё оказался намного больше – дамба задерживала природный ил, которым, во время разлива, испокон веков обогащались поля крестьян всей нижней части реки. Это привело к обнищанию почв. Не менее пагубным стало и засаливание воды в дельте Нила. Ослабленное течение воды не могло препятствовать захлёстыванию в реку солёных вод Средиземного моря, в котором она заканчивала своё существование. Солончак, разъедая берега дельты, сильно мешал земноделам.

Сила разрушения двух мировых лидеров победила в очередной раз разум созидания.

– Да. Этой плотине радовались только крокодилы, – горько усмехнулся Юсуф. До недавнего времени их численность не переставала расти. Пресмыкающимся полюбились топкие болотца разливов искусственного озера Насер, образованного в результате создания плотины.

– Недолго радовались, – поправил Хабиб.

Самолёт приземлился. Едва откинули наружные люки, зной пустыни хлынул в салон ударной волной. При полном отсутствии ветра воздух здесь стоял плотной пеленой и не остывал даже ночью. В полдень термометры аэропорта смело зашкаливали за сорокоградусную отметку. Роджерс, глядя на коллег, злорадствовал; ему очень хотелось, чтобы все они, и особенно эта гордячка Жаклин, наконец-то поняли цену его предупреждений и оценили все старания.

Следующим видом транспорта оказался грузовик. На нём предстояло добраться до озера Насер. Двенадцать километров по просёлочным дорогам учёные ехали молча и в тряске. Глотая пыль и песок и утираясь от пустынного зноя, они внимательно осматривали местность. Несмотря на начало лета, скудная растительность этой части страны на многие километры вокруг уже была выжжена беспощадным африканским солнцем. Однако Джека всё же настораживало редкое присутствие на протяжении их пути животных пустыни. На песке не видно было привычных сусликов и змей. Ящеры не грелись, распластавшись на камнях. Даже жуки-скарабеи, которых подобная жара не должна была спугнуть, почему-то исчезли. Казалось, что пустыня вымерла.

Наконец, грузовик остановился. Шофёр высадил приезжих недалеко от побережья Нила. Далее начинались разливы озера, из-за чего подъезда к самому заповеднику не было. Юркий египтянин, развернув машину и улыбаясь во весь белозубый рот, кое-как объяснил учёным по-английски.

– Идите вниз по реке. Через два километра начнётся территория национального заповедника. Где-нибудь там вы наверняка встретите его хранителя, мистера Лойза. Он всё вам покажет.

– Шокран, – поблагодарил его Хабиб и сунул шофёру долларовую бумажку. Он специально дал выговориться ему, чтобы заработать чаевые.

– Шокран, – широко улыбнулся водитель, принимая хабар. – Звони, как закончите, я приеду.

Хабиб кивнул. Шофёр, пожелав всем удачи, с шумом сорвал грузовик с места, обдав экспедицию облаком пыли.

– Зачем вы заплатили ему? Стоимость машины входит в оплаченные услуги, – пробурчал Стив.

– А улыбка и любезность – нет, – объяснил Хабиб, застёгивая нагрудный карман хлопчатобумажной рубашки сафари, откуда вытащил бакшиш. Сейчас это был обычный араб, а вовсе не светило мировой микробиологии, профессор трёх иностранных Университетов, автор многочисленных учебников, доктор наук.

– «Не подмажешь, не поедешь». Так, Хабиб? – рассмеялись русские.

Хабиб улыбнулся; поговорка понравилась ему.

– Дикарство! – огрызнулся Стив, как только понял перевод.

Подняв с пыльной дороги чемодан с лабораторными принадлежностями, Жаклин призналась Джеку:

– К сожалению, мы будем вынуждены терпеть его до конца.

– Несносный тип. Хотя, как учёный – незаменимый, – ответил швейцарец, возглавив колонну. И вдруг громко рассмеялся: – А знаешь, Жаклин, в чём-то твой босс прав. Сколько знаю эту нацию, столько не перестаю поражаться: традиции помогают египтянам оберегать себя от прогресса, часто рушащего любые устои. Хотя сейчас я бы от него совсем не отказался: – Джек указал на пешеходную тропинку, по которой им предстояло пойти, искорёженную дождями в рытвины и ямы. Засохшие под нещадным солнцем пласты жёлтой земли сжались и то и дело норовили провалиться под ногами. Жаклин усмехнулась. Ей, выросшей в суматохе и беспорядке большого города, подобные сложности пути казались пустяками. Но зная, насколько щепетильны и притязательны к нормам жизни швейцарцы, привычные к полной упорядоченности вещей, она прекрасно понимала Уайна.

Экспедиция пошла к реке в направлении, указанном шофёром. Жаклин и Джек на какое-то время замолчали, целиком сосредоточившись, чтобы не подвернуть ноги. Сзади сначала была слышна речь русских и египтян, разговаривавших парами на своих языках. Изредка Алек о чём-то спрашивал Стива, и тот отвечал неохотно. Но по прошествии первого километра все разговоры смолкли. Утираясь от пота, учёные всё чаще стали пригублять фляги с водой, персонально врученные военными лётчиками. Воду пили, как дегустируют вино – маленькими глотками, перекатывая по нёбу и смакуя. Закон пустыни требовал беречь любую жидкость до конца пути. На Стива жалко было смотреть; он согнулся под тяжестью рюкзака и беспрестанно отжимал мокрый платок.

Через время потянуло тиной и илом. Путники ускорили шаг. Их взгляду предстало озеро, рассечённое на множественные островки по всей площади. Тихие заводи стоячей воды во время разлива превращались в одну гладь, поглощая землю на несколько недель. Но сразу же, как только январские дожди, редкие в этой части реки, заканчивались, островки появлялись вновь. Они тут же зарастали камышом и побегами молодого тамариска и являлись идеальным местом обитания любителей стоячих вод, прежде всего крокодилов.

Юсуп уверил учёных, что это уже и есть территория нужного им заповедника. Через полкилометра появился гостиный двор – трёхэтажное белое здание, утопавшее в оазисе. Пальмы и кипарисы, густо насаженные вокруг, притягивали прохладой. Закрытый теперь на карантин

и приспособленный временно под лабораторию и лагерь для представителей медико-санитарных служб, гостиный двор встретил путников безлюдьем и тишиной. Бегло осмотрев здание внутри и убедившись, что в нём никого нет, учёные растерянно собрались на крыльце.

– Лойз и его рабочие на той стороне озера. Пойдёмте! – указал Юсуф на небольшую возвышенность.

– Вперёд! – рявкнул Кадышкин. При крепком телосложении и привычке жить в северных районах глобуса, Алексей, должно быть, страдал от жары больше других.

Перебрасываясь мнениями о заповеднике, учёные поднялись на дуван и с его высоты увидели гладь озера. Спускаясь, они не смогли удержать возгласы: на берегу и в зарослях тамариска валялись тушки крокодилов, почерневшие и скрюченные, словно тёмные вязаные свитера, уменьшенные сушкой.

– Не приближайтесь! – окликом остановил Алек намерение Жаклин разглядеть мертвых животных поближе. – Это может быть опасно.

Женщина оглянулась на биохимика. Он, в свою очередь, на арабов: – Есть ли в заповеднике необходимые для нас защитные одежды?

Хабиб и Юсуф не знали.

– Во всяком случае, нужно связаться с Каиром и предупредить о мерах безопасности. Я попрошу господина Шедида прилететь сюда завтра же, чтобы он сам мог на всё посмотреть, – пробормотал Стив. Уставившись на крокодилов, он не желал двигаться с места.

– И скажите, что прежде, чем соваться сюда, пусть обязательно закажут для всех нанонепроницаемые скафандры, – посоветовал Никита Орлович.

– И неплохо было бы повесить по всей дороге для местного населения и туристов предупредительные щиты о карантине, – добавил Алек, оглядывая местность. Он уже видел нечто подобное в Торонто, поэтому сейчас берег, усыпанный тушками, не удивил его так, как остальных. Гораздо больше интереса Алек проявлял к людям на берегу. Одетые в серые защитные одежды, они собирали тушки крокодилов, стаскивали в одну большую кучу, а затем поджигали, как это делали в средние века во время эпидемии чумы.

– Нет, это не чума, – покачала головой Жаклин, услышав рассуждения канадца: – Иначе, вместе с крокодилами заразились бы рыбы и птицы.

– Нет, это точно не чума, – согласился с женщиной зоофизиолог Орлович.

В какой-то момент один из работающих прошёл совсем рядом с учёными, и они смогли поближе разглядеть проносимые останки. Пристально посмотрев вслед уходящему, Джек произнёс:

– Что бы это ни было, лучше до выяснения быть всем нам поосторожнее.

Заметив натянутость в его голосе, Жаклин повернулась:

– Джек, ты думаешь, что этот вирус зоонозный?

Уайн неопределённо покачал головой. Кто мог знать, передаётся ли инфекция от животных к людям? Возможно, они имели дело с экспериментальным типом лейковируса, выведенным в какой-то засекреченной лаборатории одной из стран. Ведь ВИЧ в Руанде получил распространение именно из-за ошибки американских и бельгийских учёных. В начале пятидесятых годов прошлого столетия они работали над созданием живой вакцины от полиомиелита. Для её производства использовали клетки печени шимпанзе, содержащие вирус SIV, аналог ВИЧа. Вакцину испытывали как раз в тех регионах Африки, где полвека спустя обнаружили самую высокую численность больных СПИДом, а английский исследователь Эдвард Хупер написал об эксперименте в книге «Река» лишь в конце двадцатого века.

– Если на этот раз мы имеем что-то подобное, то, боюсь, до разгадки нам всем не дожить, – сдержанный Уайн сморщил нос, указывая на трупы крокодилов: – Смотрите, как охотно черви пожирают мёртвые тушки. Червями питаются рыбы…

– А рыбу здесь – самая дешёвая еда, – продолжил мысль Юсуф и обратился к человеку, шедшему им навстречу. – Здравствуй, Лойз!

– Салам Алейкум, Юсуф. Позвольте представиться, господа, я – хранитель этого заповедника. Позволю заметить, что даже если запретить людям ловить рыбу под страхом смерти, это ничего не даст. Вирус уже покинул пределы Египта. Верхняя часть реки затронута повсюду.

На вид лет сорока-сорока пяти, брюнет приятной наружности и европейского типа был ростом выше среднего и обычного телосложения. Рукава и штанины серого рабочего костюма мужчина высоко закатил. На его голове сидела широкополая панама, открывая красивый лоб. На ногах были ботинки, похожие на те, что у Джека, что вызвало у швейцарца одобрительный взгляд и мгновенное доверие. Внимательно вслушиваясь в объяснения, Уайн пытался понять, откуда родом еле различимый акцент мужчины, тогда как внимание Жаклин к нему было вызвано другой причиной. Двуслойная марлевая повязка на лице смотрителя природного парка мешала его хорошо слышать. Зеркальные солнцезащитные очки не позволяли рассмотреть его глаза. Вертлявость мужчины, наблюдающего во время рассказа за рабочими, отвлекала. Он говорил, делая чёткий акцент на нужных словах. Обычно так себя ведут люди уверенные, однако Жаклин сейчас показалось, что мистер Лойз даёт им понять, что делает всем одолжение.

Биолог уже была готова сделать замечание, но тут смотрителя о чём-то спросил местный житель. Лойз ответил ему на арабском, и тут же его приятный глубокий баритон приобрёл мягкий оттенок. Словно, разговаривая, незнакомец наматывает свой голос, как спагетти на вилку. Растянув до какого-то определенного момента, он затем резко обрывал его, а потом снова принимался растягивать. Желая отделаться от навязчивых мыслей о своём впечатлении от мужчины, американка шагнула навстречу и протянула руку:

– Мистер Лойз, меня зовут Жаклин Брайд. На меня возложены обязанности начальника экспертной комиссии по исследованию данного вируса. Вы могли бы мне помочь?

– В чём? – спросил незнакомец, продолжая жестикулировать рабочим и не глядя на Жаклин. Оторопь отразилось на её лице. Роджерс злорадно улыбнулся, напоминая: «Ничего другого от дикарей, проживающих в подобных условиях, ждать не стоит». Не обращая внимания на злопыхания шефа, биолог встала перед хранителем заповедника, перекрыв собою обзор:

– Послушайте, мистер Лойз, вы наверняка могли бы подробно рассказать мне о первых признаках болезни крокодилов.

Незнакомец посмотрел с таким удивлением, словно увидел женщину только сейчас. А затем кивнул:

– Да, охотно. Но не сейчас и не здесь. Все эти люди ждут моих указаний. Если хотите, давайте встретимся вечером в ресторане вашего отеля в Асуане, – по-хозяйски предложил он.

– Разве мы будем жить в Асуане? – уточнила Жаклин у Роджерса. Ей совсем не улыбалось каждый день тратить время на дорогу до заповедника. Чего не скажешь о Стиве – он закрутился, пытаясь снять рюкзак и взять телефон, так как не помнил на память название отеля.

– Для перемещений нам обещали вертолёт. И работать можно только в Асуане. Там есть лаборатории, компьютеры, центрифуги, наконец, связь с Калифорнией. А здесь – что? Даже вода в туалете едва течёт! – оправдывал Роджерс своё решение. Конечно, заботился он не только о том, как учёные будут работать. Жить ему хотелось тоже в привычных для капиталиста условиях. И как бы Жаклин сейчас не злилась на то, что всё же придётся принять предлагаемые условия, она не могла обвинять начальника только в изнеженности. Работать предстояло подолгу, аппаратура всем коллегам требовалась самая современная, и никакие перебои с электричеством и интернетом не допускались. Глядя на то, как Роджерс, чертыхаясь, не может дозвониться, Жаклин извинилась перед ним и снова окликнула смотрителя. Женщине хотелось точно знать, где они встретятся вечером. Уже успев удалиться, мужчина махнул издалека: – Не нужно беспокоиться, Жаклин Брайд. Я знаю где вас найти. – Тут же забыв

о женщине, он заговорил с Джеком, предлагая вернуться в гостиный двор и приступить к аутопсии тушек. Одна из комнат отеля была приспособлена под передвижную лабораторию. В этот момент двое рабочих, вывозивших тушки крокодилов с островков посреди озера, перевернулись на лодке у самого берега. Мистер Лойз метнулся на помощь.

– И обязательно возьмите в шкафах защитные одежды, – поспешно скомандовал он. – Это, конечно, не лучшее, что бывает, но пока подойдёт. Я не советую вам находиться здесь без защиты длительное время. Этот вирус – порядочная гадость.

4

Тот день Жаклин выдался насыщенным на события, что объясняло усталость от работы, отсутствия результатов поисков, недосыпа и жары. Получасовое купание в бассейне отеля не сняло сонливости. Выйдя из воды, Брайд почувствовала себя ещё больше утомлённой. Перекусив в номере фруктами, она подправила макияж, оделась и пошла на встречу с мистером Лойзом.

Этот отель был намного скромнее каирского, но американке он понравился больше; здесь вовсю кипела жизнь. Асуан с давних времён являлся торговым перекрёстком морских путей из Африки в Азию. По коридорам беззаботно прохаживались богатые арабские купцы, окружённые свитой советников. Красноглазые индусы с серёжками в носах гордо пересекали вестибюль, не глядя по сторонам. Бородатые турки громко галдели у входа. На креслах из мягких кож сидели европейские туристы. Местные нубийцы и берберы сновали в жёлто-зелёных униформах, торопясь оказать клиентам любую услугу. Ободрённые наступлением вечера, туристы настраивались на прогулки по городу. Остановка Жаклин перед фонтаном с золотыми рыбками вызвала повышенное внимание мусульманских мужчин. Предупредив дежурного администратора, что будет в нижнем баре, Жаклин предпочла ждать своего гостя там за стаканом тоника.

До установленного часа оставалось несколько минут. Гоняя трубочкой в стакане кусочки льда и привлекая к себе взгляды и здесь, женщина то и дело вертелась на табурете у стойки. Ей хотелось поскорее закончить дела, предусмотренные на сегодня, и отправиться отдыхать. Лениво ссутулившись на табурете, Жаклин пыталась успокоить вихрь мыслей и предположений. Но те молоточки, что стучали по вискам, мог успокоить лишь добрый сон.

Мистер Лойз появился в баре ровно в девять и издалека махнул, указывая на открытую террасу. Сев там за столик, женщина заказала себе фужер холодного белого вина. Утолив жажду двумя глотками, она постаралась не обращать внимание на то, что мужчина украдкой рассматривает её.

Светлые волосы Жаклин, влажные от купания, вились и спадали на плечи. Узкое декольте лёгкой трикотажной блузы выгодно подчёркивало грудь. Светло-зелёная ткань прекрасно сочеталась и с глазами того же цвета, и с ровным золотистым загаром. Мягкие тени под глазами и бледно-оранжевая перламутровая помада прекрасно дополняли славную внешность. Однако внимание Лойза привлекла вовсе не сама женщина, а движение тонкого пальца по краю бокала. Звук от стекла заставил мужчину вздрогнуть. Заметив это, Жаклин оторвала взгляд от панорамы великого Асуана и устало улыбнулась.

– Так с чего же всё началось, мистер Лойз?

– Вы действительно хотите это знать? – рассеяно спросил смотритель, но тут же поправился: – Простите. Я лишь хотел уточнить насколько вам хочется слушать то, что я должен вам рассказать? Слушать и не бояться…

Оглядев мужчину теперь с заинтересованностью, учёный заверила его во внимании. Смотритель парка начал свой рассказ.

Оказалось, что его полное имя Лойз три тысячи первый. Его папу звали Лойз. И дедушку – тоже. И вообще, начиная с определённого момента истории планеты, на которой он жил, все его предки по мужской линии были Лойзами.

– Давайте оставим все вопросы на потом. Я должен закончить. Тем более, что то, что вы услышали – не самое невероятное в моём рассказе, – предупредил мужчина удивление знакомой. Жаклин, подавшись было вперёд, послушно отпряла. Скрестив руки на груди, она опёрлась на стул спиной и промолчала.

Итак, собеседник был Лойз последний и являлся представителем саифнов – жителей планеты Луаза, расположенной точно в такой же Галактике, в какой находилась Солнечная

система. К людям инопланетянин впервые был послан почти триста лет тому назад как главный эксперт по планете Земля. Свою профессию он получил по наследству. Слушая теперь, не перебивая, Жаклин старательно вглядывалась в глаза рассказчика. При свете уходящего дня его очки были обычными и позволяли рассмотреть чёрные глаза мужчины, какими они бывают у жителей южных стран. Аккуратно изогнутые в верхнем веке, снизу их подчёркивала чёткая, почти резкая линия ресниц, длинных и густых. Кожа мужчины была смуглой скорее от природы, нежели от загара и поразительно упругой. Жаклин удивило отсутствие на лице морщин или складок, каких трудно избежать после сорока. Такой же гладкой была шея собеседника. Медленно, так, чтобы это было не особенно заметно, Жаклин стала опускать взгляд. Тело мужчины было гладким, без волос, однако разве это могло быть признаком инопланетянина?

«В конце концов, для волос существует эпиляция. А морщины и складки… Разве мало мужчин теперь омолаживается?» – думала женщина, пыталась найти в мужчине ещё хоть что-то, что соответствовало бы её представлениям о пришельцах из других миров. На собеседнике была дорогая рубашка тончайшего маркизета и тёмно-зелёные шорты на плетёном ремне. На ногах – светло бежевые сандалии из тончайшей кожи саламандры. Внешний вид Лойза ничем не отличался от человеческого. Волосы подстрижены и хорошо уложены. Приятные черты лица с адекватной мимикой. Чётко очерченный, едва заострённый овал лица. По пять пальцев на руках и ногах. И, судя по конфигурациям складок шорт, наличие мужского органа воспроизводства тоже, как минимум, средних размеров. Жаклин перехватила взгляд мужчины. В нём стоял вопрос. Вспыхнув, женщина наскоро отпила вина. «Я делаю это только ради научного убеждения, – оправдала она себя, прежде чем вновь поднять глаза. После всего, что собеседник рассказал, такой осмотр со стороны был оправдан. Впрочем, мистер Лойз продолжил рассказ с прежним невозмутимым видом.

Их цивилизация была старше человеческой на полтора миллиона лет. И также как люди, саифны уже имели в своей практике несчастье, подобное тому, что коснулось сегодня землян. Если бы, по уверениям Лойза, к моменту поражения Луазы вирусом, у его предков не было средств для эвакуации, все представители планеты погибли бы. А так им удалось спастись в небольшом количестве. Перелетев на космическом корабле в другую Галактику, предки Лойза продолжали работать и через время нашли спасение от страшного вируса.

– То есть, вы хотите всё-таки хотите уверить меня, что вы пришли из Космоса? Осторожно спросила Жаклин. Она не была уверена, что стоит говорить с чокнутым, но Лойз кивнул. Биолог закусила палец, протыкая его взглядом: – И что вы знаете секрет поражения данного вируса? – Кивок повторился: – Допустим, что это так. Что следует из сказанного? Вы согласны продать ваш секрет, чтобы спасти нашу планету?

Учёный говорила деловито. Лойз придвинул к себе принесённый ему ранее стакан с водой, всыпал в него бесцветный порошок, размешал и выпил. Ответил он вразрез с мыслями женщины.

– Жаклин, любой цивилизации приходит конец. И только вы, люди, способны принять решение, которое будет соответствовать вашему развитию и повлечёт определённые действия.

Жаклин заёрзала. Теперь она была уверена, что человек, сидящий напротив, либо разыгрывает её, либо у него проблемы с головой.

– В таком случае, уважаемый господин, кем бы вы ни были, я смею вас заверить, что наш конец света ещё очень далек, и что мы сделаем всё, чтобы найти выход из создавшейся ситуации. – Тон женщины был оживлённым и уверенным. Лойз посмотрел исподлобья:

– Завидная бравость. Только не будьте наивны, мисс Брайд. Моим предкам понадобилось свыше тысячи лет для того, чтобы окончательно побороть вирус. – В голосе мужчины звучала грусть, но Жаклин уже не слушала. Она всё больше склонялась к версии о его слабоумии, отчего тон её поменялся на непримиримо оптимистичный.

– Что ж, возможно, нам повезёт, и мы справимся с этим заданием за более короткий срок, мистер Лойз.

Учёный увернулась от взгляда, уставленного на неё через стёкла очков. Поднявшись из-за стола, она дала понять, что её терпение иссякло. Она отказывается исповедовать душевнобольных.

– Саифны выжили только потому, что ими был раскрыт секрет долголетия, – попробовал удержать её Лойз.

Жаклин посмотрела на мужчину с жалостью, но ответ её был также нейтральным:

– Вот почему мне нужно спешить; нам отведено гораздо меньше.

Расплатившись с официантом, она ушла. Лойз догнал её в холле по направлению к лифту.

– Мисс Брайд, – окликнул мужчина, – я не буду на чём-либо настаивать. Но, забегая вперёд, скажу, что совсем скоро в вашу Лабораторию поступит сообщение о модификации вируса. А следующим объектом поражения станут пресноводные китайские дельфины, – пообещал он.

Жаклин даже не обернулась. Шизофреникам свойственно перевоплощаться в кого угодно, в том числе и в провидцев. Дойдя до лифта, женщина была уверена, что странный знакомый отстал на половине пути. Отчего она вздрогнула от неожиданности, когда, нажав кнопку, снова услышала его голос.

– Если я когда-то всё-таки вам понадоблюсь, пожелайте это вслух, мисс Брайд, –предложил мужчина спокойным голосом, отвернулся и пошёл к выходу. Торопливо юркнув в лифт, Жаклин оглянулась. Не дойдя до дверей несколько шагов, странный незнакомец сделал тоже самое. Двери закрылись, лифт понёс женщину наверх.

5

Прошло несколько недель. Взяв в Египте достаточно пробного материала, биолог поспешно вернулась в Лос-Анджелес. Калифорнийская Лаборатория явно превосходила экипировку египтян, что позволяло продуктивнее работать над изучением проб. В Асуане остались египетские учёные и Никита Орлович. Они продолжали тщательные наблюдения. Кадышкин вернулся на Курилы. Алек в Торонто. Джек Уайн поехал усмирять панику малограмотных крестьян, населявших страну по всей длине Нила. Для египтян, фанатично верующих в Аллаха и считавших крокодила священным животным, случившееся представлялось ничем иным, как наказанием свыше.

К большой радости Жаклин, остался в Египте и Стив Роджерс. Абсолютно убеждённый, что разгадка инфицирования животных кроется в загрязнении окружающей среды, он неистово исследовал Нил на всём протяжении. Брайд шеф поручил вести исследования согласно оговорённому с коллегами плану работы, и названивал в Лос-Анджелес по нескольку раз в день. Но несмотря на все старания учёных, до сих пор ни одному из них так и не удалось определить природу вируса. Радовало то, что за две недели эпидемия приостановилась, ибо бегущая строка Лаборатории не загоралась.

Но однажды вечером на общий компьютер поступило новое трагическое сообщение. На этот раз о массовой гибели китайских дельфинов. Несмотря на то, что был вечер, Жаклин тут же помчалась на работу. Коллектив поисковой группы уже находился там в полном составе. Предварительные анализы коллег из Пекина убеждали в идентичности вируса, над загадкой которого работал весь мир. Жаклин трясло от услышанного ранее прогноза, верить в который она отказалась. Предупреждение Лойза вдруг отчётливо прозвучало в голове. Укрывшись в своём офисе, женщина бессильно прошептала:

– Как этот Нильский идиот угадал про дельфинов? Откуда он знал, что это случится на азиатском континенте? О, боже! Что он там ещё говорил про модификацию вируса? И как его зовут? Я совершенно не помню…

Жаклин повернулась лицом к коридору и замерла. К ней в офис шёл знакомый из Египта. На нём была точно такая же униформа, в какую были одеты все сотрудники их Лаборатории, поэтому его присутствие не вызывало удивления у окружающих. Мужчина открыл дверь и с порога улыбнулся:

– Здравствуйте, мисс Брайд! Этого Нильского идиота зовут мистер Лойз.

Он подошёл к учёной.

Жаклин стало неловко.

– Простите меня пожалуйста, мистер Лойз. Сама не знаю, как у меня это вырвалось. Я в таком затруднении, – смутилась женщина, но тут же, на правах хозяйки, сменила тон: – А как это вы сюда попали? Вход в эту часть Лаборатории запрещён даже многим нашим сотрудникам.

Голос женщины был строгим, но появившийся мужчина лишь выдохнул:

– Боюсь, мне долго придётся убеждать вас, мисс Брайд, в том, что я попытался рассказать вам в Асуане. – Он развёл руками: – Что ж, жаль. Мне очень хотелось помочь вам и, в вашем лице, людям. Но, я чувствую, что все мои старания тщетны.

Понимая, что пришелец обижен и может уйти также внезапно, как появился, Жаклин спохватилась.

– Мистер Лойз, пожалуйста не уходите. Конечно же, я должна была вам поверить. Но, с другой стороны, это было так неестественно, что я…

– Что вы и сейчас мне не верите?

– Да.

Юлить не стоило. Теперь Жаклин сама хотела бы дослушать рассказ Лойза до конца.

– Пойдёмте отсюда! – предложил мужчина: – Наша беседа будет долгой, и нам необходимо найти для неё более подходящее место. К тому же мне пора принять пищу.

Они нашли уютный ресторанчик в центре Лос-Анджелеса. Таких заведений американского типа, но с европейской кухней в Америке было немного. В его единственном зале, полупустом, несмотря на вечернее время, стояла тишина. Это располагало к беседе. Глянув в меню, Лойз заказал для Жаклин индюшечью вырезку, а себе бутылку минеральной воды.

– Разве вы не сказали, что вам пора принять пищу? – спросила Жаклин, расправляя на коленях салфетку.

– Да, это так, – Лойз тоже взялся за салфетку и стал рассматривать, как она сложена в розочку: – Только пища людей и наша сильно отличаются. Вы едите не только, чтобы насытиться, но и для удовольствия.

– А вы?

Лойз отрицательно покачал головой:

– Наш эмоциональный мозг, представленный лимбической системой серого вещества, практически не развит.

– Почему?

– Еда, красота, напитки, любовь, искусство мешают качественному контролю за основными жизненными функциями.

Жаклин поспешила не согласиться. Подобные доводы казались ей научно не доказанными. Почему, слушая любимую музыку, человек не задыхается? Ведь, если верить пришельцу, центр дыхания должен был бы перестать действовать.

Саифн слушал доводы, пытаясь свернуть салфетку снова в цветок. Благополучно справившись с этим, он понюхал ткань и протянул её спутнице:

– К счастью, вегетативная нервная система не зависит от наших эмоций. И всё же, рассматривая поведение человеческой особи при… совокуплении, мы каждый раз регистрировали в этот момент нарушение нейрогуморальной регуляции. Сердцебиение людей учащалось, их дыхание становилось сбивчивым. Подобная деятельность притупляет инстинкт самосохранения.

Женщина улыбнулась, не комментируя. Ей стало смешно от того, как инопланетянин тщательно избегал терминов, определяя то, о чём говорил. Лойз понял усмешку по-своему.

– Вы зря мне не верите. То же самое, правда в большей степени, происходит при эмоциональном возбуждении, вызванном наркотиками, курением или алкоголем. При любом стрессе гипоталамус теряет свою первоначальную функцию контролёра всей центральной нервной системы. Разбалансировка выделяемых железой вазопрессина и адреналина тут же сказывается на нормализации кровяного давления, работе сердца или секреции пепсина в желудке.

Жаклин, как биолог, не могла не согласиться с доводами. Заметив, что его слушательница внимательна, Лойз продолжил.

Когда-то, очень давно, его предки пришли к выводу, что для того, чтобы стать менее уязвимыми, им необходимо постепенно атрофировать эмоциональный центр. Со своей задачей они справились: он стал у саифнов таким же рудиментом, как аппендикс.

Жаклин лукаво улыбнулась:

– Иными словами, вы хотите сказать, что людям тоже нужно разучиться любить, чтобы перестать болеть?

Лойз пожал плечами и не ответил, так как официант принёс заказ.

С аппетитом вдохнув запах, исходящий от блюда, Жаклин принялась за вырезку. Лойз, как и тогда в Египте, налил воду в стакан и, всыпав туда свой порошок, стал тщательно перемешивать.

– Это ваш ужин? – указала женщина вилкой на стакан.

Мужчина выпил приготовленную жидкость и только тогда ответил:

– В этом порошке свыше сотни составных комплексов. Тут есть ферменты, необходимые для синтеза белков, липазы, растворяющие жиры, витамины для сгорания углеводов и стимуляции эндокринной системы. – Жаклин не успела задать вопрос, Лойз кивнул: – Да. Это суточная норма. – Она удивлённо раскрыла глаза. Он снова кивнул: – Вы правы. Так питается любой житель моей планеты. Это удобно и экономично. При таком питании исключаются последствия печёночного криза от переедания, – кивнул пришелец на кусок индейки, украшенный ломтиком ананаса.

Жаклин замедлила движение руки с хлебом ко рту. Пока пища являлась для людей не только поставщиком необходимых калорий, но и удовольствием, они, действительно, не могли избежать искушения гамбургерами, картошкой «фри», тортами или копчёной колбасой, поедая их не только в чрезмерных количествах, но и одновременно, что нарушало все принципы здорового метаболизма. И глядя на тонус мышц Лойза и цвет его лица, вполне легко было предположить, что именно в питании кроется весь секрет его моложавости. И всё-таки, Жаклин Брайд не была бы сама собой, если бы вот так скоро, без сомнений, приняла сказанное на веру. Она посмотрела на пустой стакан собеседника.

– Но как тогда вас понять, если в принятом вами порошке в одну кучу свалены все элементы таблицы Менделеева?

Лойз хмыкнул.

– С вами нужно держать ухо востро, Жаклин. Вы не дадите себя покритиковать. Не так ли?

– Я не против критики. Я против нападок.

Покорно наклонив голову, мужчина спрятал улыбку:

– Я учту это. А что касается порошка, то это биохимический симбиоз уже синтезированных веществ. И они не требуют ни предварительной обработки слюной, ни присутствия в желудке трёх литров пепсина для переваривания.

Жаклин прекрасно понимала о чём говорил саифн. Протеины, сахара и триглицериды в пище людей проходили сложный путь расщепления прежде, чем стать в организме синтезированными веществами. Только после этого полезные элементы этих веществ всасывались ворсинками толстого кишечника, а остаточные продукты покидали его. Иногда проходили часы, прежде чем водонепроницаемые жиры могли соединиться с уже синтезированными белками, превратиться в липопротеины и всосаться в кровь. Саифны же, суда по рассказу Лойза, упростили задачу. Они принимали вовнутрь уже готовые к всасыванию все двадцать пять существующих аминокислот, из которых состоят пептиды.

– А моносахариды растворены здесь в виде глюкозы, фруктозы, галактозы. Позже, они сами примут в организме форму нужных полисахаридов, обеспечив печень, например, необходимым ей гликогеном.

– Могу поспорить, что это всё сделано для того, чтобы облегчить задачу тем отделам мозга, что отвечают за пищеварение, – уточнила Жаклин.

Забыв про еду, она приросла к стулу. С одной стороны, ей тоже хотелось бы насыщаться каким-то фиговым порошком. А с другой… Если в нём всё уже переработано, то как же быть с перистальтикой кишечника? Ведь сокращение мышц и продвижение пищевой массы обеспечено целлюлозой. Где в этом порошке целлюлоза? Биолог взяла пустой стакан, повертела его, понюхала.

– Я поставлю с ног на голову все познания людей, если скажу, что целлюлоза вредна, – ответил Лойз на очередной вопрос в глазах женщины.

– О, господи, чем же вам помешала клетчатка?! – воскликнула она, даже не заметив, что её мысли считываются. Любой ребёнок знал, что растительная пища способствует хорошему пищеварению. Лойз принял привычно-отстранённый вид и принялся размеренно объяснять.

Оказывается, целлюлоза имела тенденцию забиваться в складки толстого кишечника. Оставаясь там, она удерживала с собой некоторые недоработанные элементы пищи, предназначенные на выброс. Это способствовало появлению гнилостей, которые, со временем, могли явиться очагами скрытой инфекции. Из-за смещения кислотно-щелочного баланса кишечника, на его стенках вырастали новообразования в виде полипов. Поедая те полезные вещества, что предназначались организму, полипы выделяли продукты распада, которые не подлежали выделению из организма. Складки кишечника взрослого человека покрывались этими наростами, как морские пирсы ракушечником, утяжеляя вес кишок и мешая процессу дефекации.

Жаклин расхотелось есть. Повествование напоминало учебник по биохомии, авангардистские трактаты которого расходились с полученными ею знаниями.

– Люди поголовно блокированы шлаками, отчего болеют и становятся агрессивными, – продолжил Лойз: – Этот внутренний мусор не позволяет вашим организмам ни выделять вашу биоэнергию, ни принимать биоэнергию окружающей среды. Нарушение процессов обмена здоровой энергетикой влияет не только на отдельных людей, но и на состояние общего биополя человеческой популяции. Перенасыщенность порождает лень, неразборчивость в мыслях и безответность в действиях. Беспредел и беспредельность отрицательных деяний человека несёт огромное количество негативных зарядов энергополю вокруг него. С такой биосферой вы, люди, никогда не сможете гармонично влиться в общий фон Вселенной. Настройку на волны Космоса вы должны начать с принципиального пересмотра вашего питания. Только и всего.

Лойз указал на тарелку с недоеденным мясом.

– Только и всего! – Жаклин была на грани отчаяния: – Лишить себя удовольствия, начать лопать синтетические порошки, и это вы называете «только и всего»?! А вы не боитесь, что употребление искусственных биокатализаторов атрофирует также ваши мозговые ядра, отвечающие за распределение пищевых веществ?

Лойз усмехнулся очередной пикировке.

– Поймите, Жаклин, – предпринял он последнюю попытку достучаться, – только за счёт упрощения процесса питания мы смогли повысить умственную деятельность наших мозгов с десяти до тридцати процентов.

– Для чего?

– Для чего что?

– Для чего вам пригодились двадцать свободных процентов?

– Мы заполнили их памятью. – ответил Лойз. Голова женщины отказывалась воспринимать так много новой информации за раз. Её взгляд потускнел. Мужчина сжалился: – Мисс Брайд, если вы согласитесь быть моей гостьей на Луазе, я расскажу вам не только про это.

Он смотрел, ожидая ответа. Жаклин рассеянно посмотрела на тарелку.

– А что обозначает слово «саифны»? – спросила она.

– Существо Абсолютной Иммунной Физиологической Неуязвимости.

– Господин Лойз, а разве жители вашей планеты имеют такое же анатомическое строение как люди? – ученый Земли пыталась увести разговор в сторону. Лойз, оставляя этот вопрос без ответа, повторил уже сказанное, но в виде просьбы. Ему было необходимо, чтобы между ним и Жаклин не оставалось недомолвок.

– Хорошо, я согласна, – вздохнула женщина, – но моим первым условием будет то, что вы позволите мне доесть хотя бы салат. Голодная я – жутко злая.

– А вашим вторым условием будет просьба звать вас исключительно по имени. Не так ли? – выдал мужчина. Жаклин беспомощно заморгала. – Тогда и вы зовите меня Лойзом, – предложил саифн.

6

В доме Лойза, помимо кухни, было три комнаты. А в них – всё, чем пользуются ежедневно миллионы людей. В зале, помимо мягкой мебели, стояли большой стол-бюро из ореха, стационарная компьютерная техника на нём и огромный секретер рядом. Окна комнат были завешены жалюзи и продублированы тяжёлыми матерчатыми занавесями. Окно на кухне было тонировано и над ним свисали плотные тюлевые занавески. Осматриваясь и пытаясь понять, в чём же секрет инопланетянина, Жаклин с опозданием вспомнила рассказы про то, как насильники заманивают свои жертвы в ловушки. Сумасшедшие часто бывают такими убедительными… Она настороженно посмотрела на хозяина.

– Я не могу сделать то, чего вы боитесь, Жаклин. А вся эта обстановка – обычный камуфляж, – ответил Лойз.

Женщина растерялась:

– Камуфляж? Зачем?

Лойз указал на кресло в зале, предлагая сесть.

Инопланетянин вынужден был приглашать людей, того, чтобы знать их лучше. И, понятно, что далеко не каждому встречному он объяснял, кто он такой на самом деле. Следовательно, не стоило шокировать людей тем бытом, к какому Лойз привык. Вот почему Жаклин видела в доме все эти лампы, цветы, холодильник с продуктами и мебель, расставленные настолько безвкусно, насколько это может сделать кто-то, кому комфорт безразличен.

– Скажите, Лойз, а почему, в таком случае, вы выбрали для откровения именно меня? – спросила Жаклин, пробуя упругость диванных подушек. Сидели на них явно не часто. Мужчина помедлил с ответом, ибо очередное признание снова могло шокировать гостью. И всё-таки она ждала.

– На это было две причины: от вас и вашей мудрости зависит сегодня судьба Земли и людей.

– Так вы всё-таки спасёте нас! – вырвался крик надежды.

Лойз ушёл от ответа. Пригласив женщину в смежную комнату, он пообещал рассказать про вторую причину.

Здесь тоже всё было обыденно: стоял раскладной диван, около него библиотека с книгами, ещё один рабочий стол, на котором, помимо бумаг, лежал серебряный дипломат, похожий на ноутбук. Жаклин внимательно осмотрелась, прежде чем поняла, что ей кажется необычным. Свет. Необыкновенно мягкое красное освещение шло ниоткуда. Свет словно следовал за ними и одновременно усиливался по мере их приближения к столу. Подойдя к нему и выдвинув ящик, Лойз достал оттуда старый портрет. На нём была изображена женщина.

– Кто это? – удивилась землянка.

Лойз представил женщину так, словно она была здесь:

– Знакомьтесь – одна из моих прабабушек. Говорят, что все женщины нашего рода были похожи на неё, как я похож на моего прадеда. В ресторане вы задали мне вопрос об анатомическом строении саифнов. Так вот, я должен сказать вам, Жаклин, что я – это не совсем я, а, скорее, мой предок, живущий полтора миллиона лет назад. Раньше все луизяне физически были непохожими, как непохожи друг на друга люди. Но так было до определённого момента.

Саифн спрятал портрет в ящик. Жаклин, задумалась. В Асуане Лойз сказал, что их цивилизация старше земной на полтора миллиона. Как же тогда могли саифны сохранить в себе память о столь дальних предках?

– Вы пьёте кофе? – спросила она, ощущая усталость и понимая, что уйти так скоро, как хотелось бы, ей не удастся. Мужчина кивнул:

– Я умею его варить. По-турецки. Пойдёмте.

В кухне, усадив гостью за стол, он взялся за дело, продолжая рассказ.

– Можете себе представить, Жаклин, что при огромном многообразии Вселенной, однажды, а если быть точным, четыре миллиарда шестьсот миллионов лет тому назад, в ней, в двух разных уголках, появились абсолютно одинаковые планеты Луаза и Земля. Близняшки росли и развивались одинаковым темпом, с единственной лишь разницей: зарождением жизни на них. Первые простейшие организмы Луазы были всего-то на полтора миллиона старше земных прототипов. Результатом эволюции стали на обеих планетах существа разумные. Когда их цивилизация достигла трёх миллионов пятисот тысячелетнего возраста, общество Луазы было очень высоко развитым.

– Три с половиной миллиона? – переспросила Жаклин: – Это ведь сегодняшний возраст эволюции человека?

Лойз на секунду отвлёкся от турки.

– Теперь вы понимаете, что многое в истории развития наших цивилизаций совпадает?

Жаклин покачала головой:

– Это невероятно!

Лойз заверил кивком, снова отвернулся и продолжил. В его голосе появились патетические интонации.

Полтора миллиона лет назад его планета была точно такой, как сегодня Земля. А луизяне были абсолютно похожими на людей. И, так же как люди, они искали связи с другими обитателями космоса. Но однажды на планете случилась биологическая катастрофа. Небольшому количеству предков нынешних саифнов удалось покинуть планету. К тому времени они уже овладели секретами генома и воссоздания себе подобных лабораторным путём. Поэтому в космосе луизяне могли не только существовать, но и заниматься искусственным воспроизводством. Именно тогда руководством пилотируемой планеты было принято решение о строгом контроле за этим процессом.

– Вы сказали пилотируемая планета. Разве это был не обычный летательный аппарат?

– С вами приятно иметь дел Жаклин. Вы хороший слушатель, когда хотите этого, – кивнул Лойз, но не так, как делает комплимент обычный мужчина, с лукавством или восторгом, а совершенно по-деловому. И ни одна мышца на его лице не сократилась. Хотя, учитывая о чём он говорил, всякие эмоции были бы, скорее всего, лишними.

Размеры станции были настолько огромны, что больше походили на летающее тело, чем на аппарат. Предки Лойза знали, что после того, как они покинут Луазу, все оставшиеся на ней живые организмы будут обречены на вымирание. Поэтому в полёт они забрали пробы почвы, воды, образцы фауны, флоры, описания технических разработок и научных достижений. Их потомкам предстояло провести в открытом космосе более тысячи лет. Этим и объяснялась необходимость контролировать процесс рождения. Активное изучение бионики и генетики позволило беглецам создать за время путешествия в космосе новый генотип луизян, приспособленный к условиям ограниченного пространства. Каждый лабораторный экземпляр саифна наследовал не только хромосомный набор предков, но и их память.

Жаклин заёрзала на стуле.

– А разве они не могли размножаться обычным путём?

Лойз отрицательно качнул головой. Волновая активность любого зародыша настолько велика, что изменяет волновой фон окружающего пространства. Это препятствовало бы угнетению эмоционального центра родителей. В лабораториях выплеск волн можно было изолировать. Но главное, там можно было создавать таких существ, какие были востребованы, не спрашивая об этом мнения матерей и отцов будущих саифнов.

Благодаря генным экспериментам, учёные Луазы уже достаточно скоро смогли приникнуть в тайну организации мозговой деятельности. Новые биокибернетические открытия позволили им «освоить» механизм памяти. Сафины не только расшифровывали и селекциони-

ровали коды ДНК и РНК, но также вели опыты по восстановлению мозговых регистраций. Когда один из луизян умирал, все его знания «записывали» как специальную программу. Отпечатав, её накладывали как матрицу на чистый лист, подсаживая эту мини-запись в ту часть мозга вновь созданного существа, что отвечала за память. Так новый индивидуум наследовал опыт предков. Причем, как и прочие характеристики, элементы подсаженной памяти были избирательными, комбинирующими исключительно положительные и практические знания. Вновь полученным существам не нужно было учить языки, овладевать основами наук и так далее. Психомоторика воспроизведённых малышей была совершеннее. К году своего появления на свет они могли не только ходить, но и говорить, как двадцатилетние предки. А к сорока годам их мозг вмещал и мог воспроизвести программу последних трёхсот лет прогресса.

Каждый новый обитатель летающей планеты начинал своё мозговое развитие с того момента эволюции, на котором останавливался его предок. От вида к виду, от существа к существу каждый новый субъект наследовал лучшие анатомо-физиологические качества предков. Так луизяне превратились в саифнов – существ, лишённых эмоций и чувств, но обладающих повышенной иммунной защитой.

Лойз налил кофе в чашку. Жаклин поблагодарила.

– А вам? – спросила она.

– Нет. Это сложно.

– Может попробуете? Ради эксперимента. – Она провоцировала мужчину, но в нём вдруг возникло желание подчиниться её словам. Лойз налил себе немного кофе и под пристальным наблюдением женщины поднёс чашку к губам. Незнакомый аромат защекотал ноздри. Лойз сморщился и чихнул.

– Не бойтесь, – подбодрила его Жаклин: – Смотрите, как пью кофе я. М-м, как вкусно! И никакой угрозы для жизни.

Лойз подул на напиток. В налитой пене задержалось несколько протёртых гранул. Пригубив, мужчина застучал зубами. Жаклин захлопала от восторга:

– Отлично! В вас пробудился жевательный рефлекс. Скажите, разве вам не приятно жевать кофе на зубах? Или, может, стоит взять в рот что-то более существенное? Есть у вас хлеб?

– Что? Какой хлеб? Нет уж, не стоит продолжать. Я сделал это ради науки. Чтобы обогатить свои ощущения, – остатки кофе Лойз вылил в раковину.

– И как? Вам понравилось?

– Нет! Нет!

Отрицание саифна было настолько категоричным, что Жаклин усмехнулась. В её голове зародились дерзкие мысли. Но, вспомнив, что Лойз способен читать их, женщина заговорила о другом.

– А я обожаю хороший кофе. Это единственный момент, когда я могу спокойно думать о предстоящем дне.

Лойз торопливо прервал её блуждающий взгляд, помахав рукой перед глазами.

– Но сегодня день уже заканчивается. А сказать мне вам нужно ещё очень много.

– Безусловно. Позвольте только уточнить: стали ли совершеннее ваши механизмы памяти при хромосомной селекции?

– Это не совсем хромосомная селекция, – уточнил Лойз.

Жаклин махнула:

– Пусть так, не перебивайте. Насколько я поняла, при наложении матрицы памяти мозг каждого нового саифна всё надёжнее утрачивал ту самую «вредную» информацию, например, о чувствах, вкусах, привязанностях, что имели ваши предки в условиях нормального развития. Так?

– У них не было выбора, – повторил Лойз: – Старейшие представители Луазы знали, что только селекция памяти избавит будущих саифнов от новой катастрофы. Потому они так тщательно стирали все факторы, мешающие прогрессу.

Повторив, что будущее станции и перспектива возвращения на Луазу зависели от тщательной подготовки всех элементов, нужно было чтобы луизяне стали физически и нравственно неуязвимыми. Вот почему среди представителей из поздних цивилизаций не стало сентиментальных мечтателей.

– Так значит на вашей планете нет ни поэтов, ни музыкантов, ни художников? – спросила женщина с грустью.

Лойз кивнул.

– Мои предки не нуждались в представителях подобных профессий. Я уже сказал вам, что ими производилась тщательнейшая селекция генофонда. В генных лабораториях станции скрещивались клетки носителей только полезной информации. И знаете, результаты гибридов получались поразительные и самые неожиданные. – Он сел напротив за стол и улыбнулся одними уголками глаз, словно вспомнив что-то: – Так, например, из инженера и спортсмена они получали астронавта уникальных физических качеств. Писатель и химик давали выдающегося патологоанатома. Он был настолько уникален, что мог поразительно детально описать причину отмирания любой изучаемой ткани. Впрочем, такие примеры были редки. Гораздо чаще попадались типичные однородные элементы скрещивания, такие как: химик плюс биолог равняется биохимик, а математик и астролог – космический кибернетик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.